

ческой точки зрения его произведения отвечали литературным стандартам его времени. Делается шаг и к сравнительно-исторической оценке эпохи Константина, сопоставимой с современными ей явлениями в древних культурах Востока, таких, как скульптура индийского храма в Каджухаро или "Записи у изголовья" Сэй Сёнагон.

С последним аспектом темы связаны и статья раздела об искусстве как средстве и языке дипломатии. Р. Кормак с этой позиции рассматривает предметы, ставшие дипломатическими дарами и подношениями, игравшими важнейшую роль в дипломатических играх византийского двора, а также значимые архитектурного убранства Константинополя, художественного впечатления от его храмов и дворцов, использовавшихся как средства эмоционального воздействия на иноземных послов и гостей. "Шелковой дипломатии" Византии – до распространения в Европе западного шелка – посвятила свою главу А. Матеус. Таким же дипломатическим средствам, правда, скорее всего, лишь в особых, исключительных ситуациях становились и подарочные книги со специально выполненными превосходными миниатюрами, представленные Д. Лоуденом.

Социальные аспекты византийской дипломатии включают в себя проблему династических браков и форм породнения по политическим мотивам, пред-

ставляемую Р. Макридис, а также вопрос о риске войны в дилемме "кровь и чернила" дипломатической практики, тонко расследуемой Д. Холдовом, как и изменение роли императорской персоны в его дипломатической дворцовой деятельности и военно-полевой в связи с изменением ее геополитического ареала, рассмотренные М. Уйтби. Здесь же Д. Смит ставит вопрос об усилении роли иноземцев в непосредственном окружении императоров, начиная с XI в., что выразилось и в дипломатическом церемониале. Наконец, П. Антонопулос соотносит понятия "успехов" и "промахов" византийской дипломатии, по-разному оцениваемые на различных этапах ее истории и раскрывающиеся как в общих, "вечных" ее целях и принципах, так и в стоящих за ними и подчас трудно уловимых конкретных задачах и средствах.

Отличительная особенность рассматриваемой книги не столько в предоставлении какого-то нового фактического или источниковедческого материала, сколько в попытке по-новому взглянуть на старые проблемы, поставить нестандартные вопросы к традиционным сюжетам, наконец, в стремлении к скорее историко-культурологическому, чем военно-политическому подходу к такому сугубо византийскому феномену, как дипломатия.

М.В. Бибиков

Origone S. *Bisanzio e Genova. Genova, 1992. 364 p.*

В предисловии к рецензируемой книге немецкий византист П. Шрайнер удачно обыгрывает древнюю этимологию топонима Генуя *Lanua*, сравнивая столицу Лигурии с Янусом, два лика которого были обращены и на Востока и на Запад. Действительно, экономическое процветание Генуи и ее политическая роль в средние века были связаны с посреднической деятельностью купечества республики на западных и levantийских рынках одновременно. Монография профессора Генуэзского университета С. Оригоне, однако, в большей мере затрагивает не этот аспект, достаточно известный благодаря трудам многих поколений исследователей Генуи от М. да Канале и К. Манфрони до М. Балара и Дж. Пистарино. Она открывает византийскую перспективу, последовательно показывая, чем была Генуя для Византии и в глазах византийцев. С. Оригоне известна и как исследовательница архивных документов¹. Однако в этой работе неопубликованные источники занимают скромное место. Главное в ней – показ важнейших процессов и явлений в отношениях Империи ромеев с Генуей на основе уже изданных материалов. Правда, в специальном приложении С. Оригоне соотносит подлинные акты дипломатических сноше-

ний двух государств, хранящиеся в "Секретном архиве" Генуи с их изданиями и регестами (с. 273–288).

Наименее известна ранняя стадия отношений Генуи и Византии, в том числе период с 538 по 643 г., когда Лигурия входила в состав империи. Автор обоснованно полагает, что в то время Генуя играла роль важнейшей пристани на пути в Галлию и Испанию (с. 13–30). Первые прямые контакты на самом Леванте произошли в ходе I Крестового похода, когда генуэзцы в 1098 г. участвовали во взятии Антиохии (с.33). Но до конца XII в. сближению сторон препятствовали пронорманнская ориентация Генуи (с. 34) и провенецианская Византии (с. 43–44). Договоры 1155 и 1169 г. лишь модифицировали ситуацию, но не изменили ее коренным образом. В частности, Оригоне, как и многие исследователи², трактует запрет генуэзским купцам торговать в Матреге и Росии, сформулированный в хрисовуле 1169 г., как

¹ См., например: *Origone S. Chio nel tempo della caduta di Costantinopoli // Saggi e documenti. II, tomo primo. Genova, 1982. P. 121–124; Eadem. L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV // Saggi e documenti. Genova, 1983. III. P. 229–318; Eadem. L'Officium victualium a Caffa nella prima metà del secolo XV // Bulgaria Pontica. Sofia, 1988. II. P. 388–426.*

² См., например: *Balard M. La Romanie Genoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. T. 1. P. 28–29. Not. 44; Idem. Byzance et les régions septentrionales de la mer Noire (XIIIe – XVe siècles) // RH. 1993. T. 288, N 1. P. 26–28; *Lilie R.-J. Handel und Politik zwischen dem Byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi (1081–1204). Amsterdam, 1984. S. 87–100; Day G.W. Genoa's Response to Byzantium 1155–1204; Commercial Expansion and Factionalism in a Medieval City. Urbana; Chicago, 1988. P. 26; *Капов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990. С. 64–84 (там см. и лит. вопроса).***

распространявшийся на все Черное море (с. 89).

Поэтапное рассмотрение отношений Генуи с Никейской империей, а затем с державой Палеологов проводится в контексте всей системы международных связей и особенно с учетом взаимодействия сторон с турками и Венецией. Как явствует из книги, генуэзцы довольно рано осознали значение турецкого фактора и соглашались с ним свою византийскую политику. Характерные примеры: союз Генуи и Милана с султаном в 1432 г., направленный против Венеции, княжеств Феодоро, Молдавии и, добавим, Трапезундской империи (см. с. 173) или негативное отношение генуэзцев к Варненскому крестовому походу, когда генуэзцы, торгуя в Подунавье, не желали ссориться с османцами (с. 177). Филотуркизм (или страх перед турками?) доходил до того, что жители Перы построили в первой трети XV в. башню, поместив на ней османские инсигнии, что, впрочем, вызвало осуждение метрополиса, заботившейся о соблюдении своего суверенитета (с. 171–172).

Но насколько вообще можно говорить о политике Генуи? Ведь она претерпевала частые колебания, зависела от тех государств (Франции, Милана, Монферрата), которые осуществляли суверенитет над Генуей в конце XIV–XV вв. Если годы миланского владычества (1421–1435) были действительно ознаменованы сближением с султаном (с. 173), то в правление французского наместника маршала Бусико, как и в последние годы империи, метрополия была склонна защищать, пусть и не всегда бескорыстно, Византию. Интересы заморских факторий, в свою очередь, не вполне совпадали с курсом метрополиса, а крупнейшие из них, как Кафра или Пера, обладали большой долей автономности. Клань генуэзской знати могли осуществлять отличную от правительственной политику, предпринимать по своей инициативе даже военные акции. Политика Генуи и политика генуэзцев (патрицианских родов Гаттилузи, правителей Митилены, Дориа и Фьески, Дель Орто и Дзаккариа, компере и Банка Сан Джорджо) не были идентичны, и, быть может, это заслуживает еще специального исследования. Но все же прагматические соображения, а не долговременный политический расчет управляли действиями как купцов, так и властей Лигурийской республики. В этом ключ к пониманию генуэзской роли в судьбах Византии.

Сильной стороной рецензируемой книги является показ динамики процессов, эволюции политических и экономических отношений и анализ того, как это отражалось в сознании современников. Например, С. Оригоне отмечает нарастание признаков неблагоприятия в генуэзской Романии с 40-х годов XV в., рост эмиграции армян и греков из Каффы и Перы (с. 210). Эти явления, впрочем, просматриваются по массариям Каффы, и по фонду *Diversorum Filze* Секретного архива Генуи гораздо раньше, еще с 1420-х годов³. Равным образом, с середины XIV до середины XV в. падает значение должности подеста Перы, как и самой фактории

на Золотом Роге (с. 212–216), все более оттесняемой по значению Каффой. Вместе с тем в византийской историографии XV в. по сравнению с историографией XIV столетия отношение к генуэзцам смягчается, а вина за происходящее с Византией в большей мере возлагается не на западных иноземцев, а на распри самих ромеев (с. 254–256). Впрочем, и в XV в. отношение византийских историков к генуэзцам было совсем не однозначным.

Монография С. Оригоне является первым обобщающим исследованием всего сложного комплекса связей Генуи и Византии на всем протяжении их истории, притом в разных аспектах. Лакуны, в том числе историографические, при таком подходе почти неминуемы. Укажем на некоторые из не учтенных и имеющих важное значение публикаций: к с. 113–123 – статья П.И. Жаворонкова о никейско-латинских отношениях⁴, к с. 129–130, 223 – исследование Ш. Папакостя о заговоре Гверчо⁵, к с. 170, 182 – Э. Брайера о перевороте в Трапезунде в 1429 г. при поддержке генуэзцев⁶, к с. 238 и 286 – издание И.П. Медведевым текста договора 1352 г. по рукописи ЛОИИ⁷. Иногда автор не замечает более глубокой подоплеку событий. Например, обещание султана Мурада отстроить генуэзский замок в Самсуне рассматривается как несомненная удача генуэзской политики (с. 172), между тем это обещание было следствием сожжения османцами Симиосо в ноябре 1420 г., после чего генуэзская фактория там утратила значение⁸.

Подводя итоги длительному этапу изучения генуэзско-византийских связей, содержательная и интересная книга Оригоне побуждает к новым архивным исследованиям, ибо возможности богатейших собраний Государственного и муниципально-го архивов Генуи (а также архивов других городов Лигурии, Венеции, Ватикана) еще далеко не исчерпаны.

С. Карпов

the Latins and the Local Populations in the Black Sea Area (1392–1462) // DOP (в печати).

⁴ Жаворонков П.И. Никейская империя и Запад: (Взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и панством) // ВВ. 1974. Т. 36. С. 100–121.

⁵ Papacostea Ş. La première crise des rapports byzantino-génois après Nymphaion: Le complot de Guglielmo Guercio (1264) // Revue Roumaine d'Histoire. 1988. Т. XXVII, N 4. P. 339–350.

⁶ Bryer A. "The faithless Kabazitai and Scholarioi" // *Maistor*. 1984. P. 309–327; также см. в: Bryer A. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. L., 1988. N VII.

⁷ Медведев И.П. Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 года // ВВ. 1977. Т. 38. С. 161–172.

⁸ Ср.: Карпов С.П. Итальянские... С. 86–89.

³ Ср.: Карпов S.P. New Documents on the Relations between